

ОСМЫСЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В СОСТАВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А.А. ЖУРТОВА

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: anzhelka28@mail.ru*

Аннотация. В статье изучена современная отечественная историография российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв. В частности, в ней проанализированы работы К.Ф. Дзамихова, А.Х. Борова, М.М. Блиева, Я.З. Ахмадова, Ш.А. Гапурова, Е.Г. Муратовой, Е.И. Кобахидзе и других исследователей, рассматривающих процесс вхождения народов Северного Кавказа в состав России в рамках национально-регионального исторического развития. Многие современные авторы, стремясь продемонстрировать равную степень вклада народов Северного Кавказа и русского народа в развитие Российского государства, отказались от позиции, трактующей взаимоотношения России с северокавказскими этническими обществами по формуле сюзерен-вассал, делают в своих работах акцент на равноправии сторон в решении военно-политических вопросов на протяжении всего периода их исторического взаимодействия. Это привело к возникновению идей союзов, альянсов народов Северного Кавказа с Россией в XVI-XVIII вв. Большинство исследователей вхождение северокавказских этнических общностей в состав России связывает с их насильственным завоеванием в период Кавказской войны. Часть авторов отстаивает точку зрения о добровольном вхождении местных народов в состав Российского государства посредством принесения присяги.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Россия; присоединение; историография; военно-политический союз; Кавказская война.

REFLECTIONS ON THE INTEGRATION OF THE NORTH CAUCASIAN PEOPLES INTO RUSSIA IN PERSPECTIVE OF THE NATIONAL-REGIONAL HISTORICAL DEVELOPMENT

A.A. ZHURTOVA

*FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: anzhelka28@mail.ru*

Abstract. The article deals with the modern Russian historiography of Russian-Caucasian relations in the XVI-XIX centuries. In particular, it presents an analysis of the works of K.F. Dzamikhov, A.H. Borov, M.M. Bliiev, Ya.Z. Akhmadov, Sh.A. Gapurov, E.G. Muratova, E.I. Kobakhidze and other researchers who consider the process of incorporating the North Caucasus into Russia within the framework of national and regional historical development. Many modern authors, are seeking to demonstrate significant contribution of the peoples of the North Caucasus to the making and development of the Russian state, comparable with that of Russian people, abandoned the position that interprets Russia's relations with North Caucasian ethnic societies on the basis of the suzerain-

vassal formula. Instead they emphasize the parties' parity in resolving military-political issues of common interest throughout the entire period of their historical interaction. This led to the emergence of the idea of an alliance between the peoples of the North Caucasus and Russia in the XVI-XVIII centuries. Most researchers associate the incorporation of North Caucasian ethnic communities into Russia with their forcible conquest during the Caucasian War. Some authors defend the view of the voluntary entry of local peoples into the Russian state via the taking of an oath.

Key words: North Caucasus; Russia; joining; historiography; the military-political alliance; the Caucasian war.

Введение

В отечественной историографии проблеме формирования российского многонационального государства отведено значительное место. Историографический анализ исследований, посвященных истории формирования современных территориальных границ России, механизмов мирного взаимодействия в рамках одного поликультурного пространства позволяет выявить уровень идеологической безопасности и консолидированности государства и общества.

Современная историческая наука характеризуется наличием методологического плюрализма в изучении взаимоотношений России и народов Северного Кавказа. К числу основных факторов имперской политики в регионе часть ученых относит ее стремление к территориальным приращениям, предполагающее жесткое подавление любых форм сопротивления со стороны завоеванных народов. Другая часть – стремится обосновать, что Российская империя по форме государственно-территориального устройства представляла собой лучший вариант организации власти и управления национальными окраинами, который способствовал позитивному влиянию русского народа на северокавказские этнические общества. Все это требует глубокого научного анализа, который позволит определить степень изученности проблемы, выявить круг вопросов, нуждающихся в дальнейшем исследовании.

Цель статьи: проанализировать современные исследования, рассматривающие присоединение народов Северного Кавказа к России в рамках национально-регионального исторического процесса.

Историография вопроса

Современная отечественная историография характеризуется изменениями в области методологии исторических исследований, обусловленными глубокой трансформацией российского общества.

К числу исследований, в которых анализируются тенденции развития современного кавказоведения, разрабатываются новые методологические подходы к изучению тех или иных исторических и историографических проблем можно отнести работы А.Х. Борова, Э.А. Шеуджен, П.А. Кузьмина и др. [26; 27; 28; 29; 30; 31; 110; 111; 112; 73].

Большой интерес представляют исследования белорусского историка А.Н. Максимчика [77; 78; 79], в которых изучен значительный по объему корпус историографических источников по проблеме российско-кавказского исторического взаимодействия. Важное место в кавказоведении занимают труды К.Ф. Дзамихова [51; 52], в которых изучена историография взаимоотношений России и адыгских народов в XVI-XVIII вв.

Историографический и методологический аспекты изучения проблем Кавказской войны и участия в ней народов Северного Кавказа проанализировал В.В. Дегоев [43; 44]. Е.Г. Муратова [88; 89] исследовала историографические источники по проблеме присоединения балкарцев к Российскому государству.

Несмотря на интерес к проблемам развития исторической науки, до настоящего времени не создано специального обобщающего исследования, в котором изучена современная историография вхождения Северного Кавказа в состав России.

Методология исследования

В качестве инструмента структурного анализа развития исторической науки в статье используется дисциплинарная матрица Йорна Рюзена. Эта теоретическая конструкция позволяет решить задачу одновременного исследования процесса развития исторической науки и историографии определенной проблемы.

В дисциплинарной матрице Й. Рюзена основу анализа историографических источников составляют пять циркулярно взаимосвязанных факторов: интересы, концепты обозначения, методы, формы репрезентации, функции. «Интересы» обуславливаются особенностями социально-экономической, политической системы общества, уровнем развития духовной культуры и самой исторической науки. Профессиональное сообщество историков отвечает на социальный запрос в форме концепций и теорий («концепты обозначения»), в основе которых лежат понятные и адекватные своему времени понятия и категории, а сами исторические исследования проводятся в соответствии с определенными правилами и «методами» научного анализа. Полученное знание должно быть репрезентировано в такой форме, которая будет сочетать в себе строгое соответствие научным требованиям и доступность изложения («формы репрезентации»). Результатом данного процесса становится формирование субъектной и коллективной идентичности, как главной социальной «функции» исторической науки. Схема факторов исторической науки Й. Рюзена позволяет проанализировать ход развития отечественного кавказоведения, максимально учитывая сложность и многофакторность этого процесса.

Результаты

В начале 1990-х гг. доминирующим фактором общественного развития стали центробежные силы и этноцентризм. История, как область знания, всё больше превращалась в историю этносов и этнических государств. Вопросы

развития этнонациональной государственности, этнонациональных территорий и границ, этнической культуры и этнического языка составили основу научных построений последних лет. По выражению Т.С. Гузенковой, в национальных историях на смену классам «пришли» народы-этноты, а место классовой борьбы «заняли» национально-освободительные движения [41, с. 138].

Дисциплинарная матрица региональной исторической науки на современном этапе имеет, на наш взгляд, следующие характерные черты:

1. Интересы. История на Северном Кавказе является средством обоснования требований сегодняшнего дня, самоидентификации и консолидации этносов. Историческая память северокавказских народов носит не только мемориальный характер, она всегда актуализирована и переживается как фактор современности [56].

По выражению Л.С. Гатаговой, последовавший за развалом СССР процесс лихорадочной суверенизации национально-территориальных образований России в 1992 г. выдвинул на первый план разномастные группы региональных элит, вступивших в ожесточённую борьбу за власть [39, с. 255]. Победителям требовались идеологические средства для консолидации этносов, своя «национальная терапия» [39, с. 255]. Историческая наука, как важный фактор воздействия на массовое сознание и формирования общественного мнения, приобрела еще большее значение.

Важным импульсом современных исторических построений выступает стремление практически всех этнических интеллектуальных элит Северного Кавказа избавить собственные народы от статуса исторической и культурной периферии, и найти аргументы в пользу того, что их достижения сопоставимы с общепризнанными образцами мировой цивилизации [41, с. 138].

2. Концепты обозначения. По мнению А.Н. Максимчика, на волне «национализации» северокавказской истории региональные исследователи пытались показать и доказать, что включение народов региона в состав Российской империи было первым упущенным этапом в сохранении независимого существования горских народов, когда их дальнейшая судьба решалась у них за спинами [79, с. 90].

Версия о «добровольном присоединении» кавказских народов к Российской империи, господствовавшая в отечественной историографии второй половины XX в., была отвергнута большинством ученых как заказное произведение советской идеологии. Вместо нее восторжествовала концепция «жесточкого колониального завоевания», которое, по мнению В.В. Дегоева, якобы сопровождалось геноцидом и подготовило историческую почву для современного этносепаратизма и этнополитических конфликтов [45, с. 19].

Тематика научных исследований претерпела ряд важных изменений: в центре внимания многих современных исследователей оказалась имперская колониальная политика, Кавказская война, мухаджирство и другие страницы истории взаимоотношений России и народов Северного Кавказа. При этом в большинстве работ подчеркивается равноправный и взаимовыгодный характер российско-горского исторического взаимодействия, возникает теория о военно-политическом союзе местных народов с Россией в XVI–XVIII вв.

3. Методы. Концептуальный и методологический плюрализм нашел отражение и в региональных исследованиях по проблеме вхождения народов Северного Кавказа в состав России. Палитра научных подходов к изучению вопроса представлена, в частности, методами политико-правового, цивилизационного анализа российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв. и др. Часть национальных историков сохраняет в своих работах элементы советской историографической традиции.

С точки зрения К.Ф. Дзамихова, в условиях национально-культурной трансформации российского сообщества четко обозначились проявления этнонационального сознания в исторических исследованиях, которые привели к осязаемому усилению этноцентризма как исследовательского подхода [46, с. 29].

4. Формы репрезентации. Современная политическая риторика характеризуется явным преобладанием проповеди, главной чертой которой является неумение говорить для «других». Речь оратора, которая в конкретном случае представлена в форме исторической концепции, произносится исключительно для «своих» и воспринимается как проповедь, некритично, не позволяя выслушать противоположную сторону. Это приводит к замыканию исследователей в «этнических квартирах» [74, с. 77], где каждая сторона все глубже и глубже погружается в разбор собственной позиции, игнорируя реальность существования других сторон.

Г.Г. Хазагерев видит возможность социального примирения в пересмотре концепций диалогических по сути жанров, получивших монологическую трактовку [105]. Нужно отказаться «от технологий заведомого манипулирования, заводящего в тупик и говорящих, и слушающих», «создать такую общественную обстановку, при которой словесный разбой будет сразу же опознан и поставлен вне рамок серьезного разговора» [105].

5. Функции. В современном региональном научном дискурсе, по словам В.Ф. Патраковой и В.В. Черноуса, на смену интернационалистскому советскому мифу, в основе которого лежала абсолютизация процессов прогрессивного взаимодействия народов во всех сферах общественной жизни, пришли этноцентричные мифы о собственной этнической исключительности, великом прошлом местных народов и т. д. [96]. Началась война исторических мифов, которые способствуют легитимации региональных этнократических режимов, обоснованию сепаратистских проектов и достижению политических целей национализма [59, с. 349]. Романтизация и мифологизация национальных историй происходит на фоне демонизации истории России [74, с. 77-78], противопоставления своих и чужих, которое вылилось, по определению А.Х. Борова, в активное формирование «синдрома жертвенности и вчинения исков» [26, с. 87]. Подобная поляризация концептуальных подходов в науке не способствует научному осмыслению проблемы. Все это – не что иное, как новый виток конъюнктуры, но таковы внутренние факторы развития науки, которые необходимо учитывать в процессе исследования.

В конце 1980-х – 1990-х гг. на юге России проводились масштабные научные конференции, в материалах [63; 64; 94; 95; 109] которых отразились

новые подходы к проблемам Кавказской войны. На круглом столе «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность», состоявшемся еще в 1989 г. в редакции журнала «Вопросы истории», В.П. Крикунов предложил отказаться от термина «добровольное вхождение», поскольку он был пронизан «духом антиисторизма» [72, с. 41-42]. Исследователь отметил, что «если добровольное присоединение в том или ином виде имело место в какой-то конкретной ситуации, то добровольное вхождение как процесса длительного, с ломкой экономической и социальной структуры, традиций и уклада жизни, религии и национальной культуры быть просто не могло. Такой процесс обязательно в каких-то слоях встречал сопротивление, вызывая у кого-то недовольство, так как задевал интересы многих» [72, с. 41-42]. Он предложил разработать четкую систему характеристик процесса формирования Российского многонационального государства.

На Всесоюзной научной конференции 1990 г. в г. Нальчике были сформулированы выводы по некоторым спорным вопросам российско-адыгских взаимоотношений в прошлом. Ученые подчеркнули, что важнейшими датами адыгской истории являются 1557 г., когда между Кабардой и Московским государством был заключен военно-политический союз, и 1864 г. – время окончания русско-кавказской войны и насильственного выселения адыгов в Османскую империю [95, с. 3]. Кабарда, как утверждалось в материалах конференции, к 1830 г. в результате карательных экспедиций царских войск была лишена своей государственности [95, с. 3]. Кроме того, в научной несостоятельности обвинялась концепция М.М. Блиева о роли набеговой системы в Кавказской войне.

Большинство ученых Кабардино-Балкарии пришло к выводу, что трактовка договора 1557 года как добровольного присоединения Кабарды к России не объясняет характера сложившихся между ними взаимоотношений, а потому нуждается в пересмотре.

Новую интерпретацию политического акта 1557 г. дал К.Ф. Дзамихов [46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 54]. Он определил данное соглашение как взаимовыгодный военно-политический союз, который имел в основе договор о покровительстве 1557 года, фиксировался в характерных для той эпохи формах (и формулах) феодального вассалитета [47, с. 35] и включения территории Кабарды в состав России не предусматривал. Это был союз между царским правительством и адыгской феодальной знатью, которая в результате сохраняла свои права и была связана с русским царем лишь обязательствами военной службы [49, с. 44]. Сближение адыгов с Россией в середине XVI в. обусловлено, по мнению автора, внутри- и внешнеполитическим положением кабардинского народа, а также интересами российской восточной политики. Составной частью Российской империи Кабарда была объявлена в 1774 г. в соответствии с Кючук-Кайнарджийским договором. Фактическое присоединение Кабарды к России произошло, согласно концепции К.Ф. Дзамихова, путем вооруженного завоевания в конце первой четверти XIX в. [50].

С точки зрения В.Х. Кажарова, военно-политический союз Кабарды с Россией в середине XVI в. является очевидным фактом, заслуга К.Ф. Дзамихова

заключается в том, что устный дискурс по проблеме он перевел в плоскость научных выводов [65, с. 23].

Идея о военно-политическом союзе получила развитие в исследованиях Г.Х. Мамбетова, Б.К. Мальбахова, А.Х. Бижева, Р.Х. Гугова, А.Х. Нагоева, Б.Х. Бгажнокова и др. [84; 80; 81; 17; 40; 92; 12; 13; 14]. По мнению Г.Х. Мамбетова, доказательством тому, что в 1557 г. был заключен именно союз служит то, что на Кабарду не распространялось российское государственно-территориальное устройство и законодательство, Россия не вмешивалась во внутреннюю политику кабардинского общества и т.д. В своих взаимоотношениях Кабарда и Россия выступали, по словам историка, как равноправные субъекты, государства [84, с. 19-20].

Б.К. Мальбахов особую важность в процессе сближения Кабарды с Россией придает деятельности князя Темрюка Идаровича, который надеялся благодаря российскому покровительству укрепить свою власть князя-валия (старшего князя Кабарды. – А.Ж.) и объединить адыгов [81, с. 123]. Московскому государству этот союз позволял в перспективе овладеть стратегическим плацдармом в центре Кавказа. Ученый утверждает, что российско-кабардинские взаимоотношения до XVIII века были исключительно дружественными и равноправными. С 1763 г. начинается этап завоевания Кабарды, который завершается в 1825 г. в результате деятельности генерала А.П. Ермолова [81, с. 286].

В XVIII в., как утверждает А.Х. Бижев, противоречия во взаимоотношениях российской и адыгской элиты постепенно начали нарастать и кабардинские земли стали подвергаться насильственной колонизации [17, с. 5]. Автор полагает, что установление союзнических отношений с Россией объективно было для Кабарды прогрессивным явлением, однако политическое завоевание, осуществленное реакционными кругами России, уничтожило большую часть адыгского населения [17, с. 322].

Смысл заключенного в 1557 г. соглашения, отмечает Р.Х. Гугов, Кабарда воспринимала как союз, Россия же видела в кабардинцах своих подданных [40, с. 678]. XVIII в. определяется автором как важный этап в истории российско-кавказских взаимоотношений: в 1774 г. к России присоединились Кабарда и Осетия, во второй половине XVIII в. под покровительством царского правительства оказались Ингушетия, часть Чечни и Карачай [40, с. 7]. По мнению ученого, процесс включения региона в состав Российской империи в XIX в. завершился не без использования колониальных методов. Оценки Р.Х. Гугова отличаются меньшей категоричностью, им признаются позитивные последствия российского влияния на северокавказские народы [40, с. 5-6].

В соответствии с периодизацией А.Х. Нагоева, присоединение Кабарды к России происходило в два этапа: первый этап, начавшийся во второй половине XVI века и завершившийся Кючук-Кайнарджийским миром 1774 г., характеризуется «прогрессивной по отношению к Кабарде» политикой; второй этап, начавшийся после 1774 г. и продолжавшийся до окончания Кавказской войны, стал периодом борьбы кабардинского народа против завоевательной политики российских властей [92, с. 209].

Союз 1557 года, с точки зрения Б.Х. Бгажнокова, был одним из видов межгосударственных взаимоотношений, который известен со времен Древней Греции и называется в науке симмахия (от греч. *symmachia* – *sym* «вместе» + *machomai* «сражаюсь» – военный союз между отдельными государствами). В случае надобности каждая из сторон обязывалась оказывать военную помощь другой стороне в борьбе с внешними и внутренними врагами [13, с. 3].

В интерпретации Т.Х. Алоева договор 1557 г. представляет собой по содержанию «типичный военно-политический альянс», а по форме – «сеньориально-вассальный контракт с присущей ему субординацией» [1, с. 8-9].

В 90-х гг. XX в. в научном пространстве Юга России появилась версия о геноциде адыгов в ходе Кавказской войны и выселения в Османскую империю. Научное обоснование эта идея получила в исследовании А.Х. и Х.А. Касумовых [68]. Антироссийские выступления адыгов в конце XVIII – XIX вв. характеризуются авторами как «национально-освободительная борьба» за независимость против «военно-колониальной политики русского царизма», в результате которой «значительная часть адыгов» оказалась выселенной в Османскую империю, многие «погибли от голода, холода и болезней во время переселения» [68, с. 197]. Данная политика, по мнению историков, стала «тягчайшим преступлением, настоящим геноцидом» по отношению к адыгскому народу [68, с. 197].

Идея о геноциде адыгов вызвала широкий общественный и политический резонанс. В феврале 1992 г. Верховный Совет КБССР выступил с инициативой признания Россией геноцида адыгов в годы Кавказской войны (1760-1864) [97]. Результатом этих требований стало «Обращение к народам Кавказа» Президента РФ Б.Н. Ельцина накануне 130-летия окончания Кавказской войны, в котором не отрицался факт жестокости войны, но, на примере установленного в г. Нальчике памятника Марии Темрюковне с табличкой «Навеки с Россией», глава государства дал понять, что федеральный центр будет руководствоваться этим лозунгом при проведении политического курса в регионе [48, с. 107].

А.А. Епифанцев считает версию о геноциде искусственно сконструированной представителями национальной элиты и выступает против применения этого термина при оценке российской политики в регионе. В его интерпретации Россия не преследовала цель уничтожить всех адыгов. Одержав победу в Кавказской войне, российское руководство подвергло адыгов, оказавших наиболее ожесточенное сопротивление и проживавших в опасных с точки зрения российской геополитики местностях, принудительной депортации, предоставив им выбор: переселиться либо в степную часть России, либо в Турцию [58]. Оказавшись под влиянием турецких эмиссаров и собственной знати, адыги предпочли второе [58]. Э. Бурда полагает, что в Кавказской войне жертв среди казаков и российских солдат было не меньше, чем среди адыгов [33].

На наш взгляд, наиболее плодотворным при изучении проблем российско-кавказского исторического взаимодействия является цивилизационный (социокультурный) подход. В частности, данный подход

реализуется в исследованиях А.Х. Борова [25; 30; 32]. С точки зрения автора, в середине XVI – начале XVIII в. связи России и народов Северного Кавказа носили характер военно-политического союзничества между «сложными социальными субъектами» [32]. В XVIII в. накапливаются предпосылки военно-силового противостояния, поскольку углубляется стадийный разрыв уровней их социокультурного развития. Кавказская война, по определению А.Х. Борова, – это проблема диалога культур [32], и различные научные подходы к её осмыслению не столько опровергают, сколько дополняют друг друга [32]. Международно-правовую фиксацию и решение «кабардинского вопроса» исследователь относит к XVIII в., к договорам 1772 и 1774 гг. с Крымским ханством и Турцией, подтвердившим принадлежность Кабарды России [25, с. 10].

Вхождение Кабарды в состав России Ж.А. Калмыков, А.Н. Маремкулов, З.А. Кожев и др. [66; 67; 71; 85] связывают с политикой А.П. Ермолова и датируют ее завоевание 1825 годом. По данным Ж.А. Калмыкова, в XVI-XVIII вв. российско-кабардинские взаимоотношения носили союзно-покровительственный характер [67, с. 23]. А.Н. Маремкулов полагает, что геополитическую основу имперской доктрины России на Северном Кавказе с XVIII в. начали составлять три фактора: пространственно-территориальный, этнорелигиозный и экономический. Выявление этих факторов позволяет проследить специфику покорения Северного Кавказа [85, с. 127]. С точки зрения З.А. Кожева, несмотря на признание Кючук-Кайнарджийским договором «принадлежности» Кабарды России [71, с. 208], адыги продолжали борьбу за свою независимость [71, с. 215].

Вызывает интерес статья Х.М. Думанова, в которой политический акт 1557 года трактуется как добровольное присоединение Кабарды к России [57, с. 59]. Точка зрения известного ученого в научных кругах КБР не встретила поддержки. Наличие подобных работ свидетельствует о сохранении историографической традиции советской исторической науки второй половины XX века.

В 2007 г. в республике состоялось широкое празднование 450-летия добровольного вхождения [91] Кабардино-Балкарии в состав России. К юбилею был опубликован ряд работ [62; 3], касающихся данной проблематики. Большинство авторов отстаивало тезис об оформлении союза между Кабардой и Россией в 1557 г.

Региональная историографическая ситуация характеризуется наличием исследований, в которых авторы не присоединяются ни к идее о российско-кабардинском военно-политическом союзе, ни к теории о добровольном вхождении Кабарды в состав России в 1557 г. В частности, С.Н. Бейтуганов полагает, что «союз – понятие неоднозначное», близкое по своему политическому содержанию «паритету, основанному на приблизительном равенстве сил сторон» [15]. Однако, по мнению автора, «такого понимания понятия союз следует избегать, характеризуя кабардино-русские связи на первом этапе их сближения» [15]. Соглашение 1557 г. не может быть определено, заявляет историк, и как единовременный акт присоединения,

поскольку в результате территория адыгов не включалась во владения Московского государства [15].

С точки зрения Б.М. Мокова, «плодотворным здесь представляется такой подход, который, во-первых, был бы нацелен на максимально полную реконструкцию и интерпретацию этого взаимодействия в терминах той исторической эпохи...; а во-вторых, учитывал бы, что ни одна из этих форм не обрела в XVII в. окончательного характера»; процесс кабардино-русского сближения был исторически необратим, но он мог развиваться альтернативными путями» [86, с. 134]. Характер установившихся взаимоотношений российские власти и кабардинские князья понимали по-разному, поэтому возникают трудности при их исследовании.

Большой вклад в изучение истории балкарского народа внесла Е.Г. Муратова [18; 87; 90]. Покорение Кабарды, считает автор, сопровождалось приведением к присяге балкарских обществ. Опыт данного покорения подсказывал российскому правительству, что его политика может быть успешной, если «будет поддержано стремление балкарцев освободиться от платежей» (своеобразной земельной ренты в пользу Кабарды за право пользования ее пастбищными землями. – А.Ж.) и обеспечен их «свободный выход на плоскость» [18, с. 15-16]. Реализация этой идеи на практике дала положительные результаты, что проявилось в событиях 1827 года, когда «старшины горских народов Балкарского, Урусбиевского и Чегемского присягнули на верноподданство» [87, с. 182] России. Балкарцы ходатайствовали о сохранении их прав, обычаев, шариатского суда и др. Процесс вхождения Балкарии в состав России характеризуется Е.Г. Муратовой «как лояльный вариант социополитической адаптации этнического сообщества к государственно-административным реалиям империи» [87, с. 183].

Аналогичную точку зрения о вхождении Балкарии в состав России в 1827 г. разделяют исследователи М.Ю. Кучинаев, В.М. Батчаев, Е.С. Тютюнина и др. [75; 11; 104].

В качестве даты окончательного присоединения Карачая к России Р.С. Тебуев и Р.Т. Хатуев предлагают рассматривать 1855 год, когда имперскими войсками было подавлено восстание карачаевцев, возглавляемое судьей Магомет-эфенди Хубиевым [101, с. 110]. Большинство же современных авторов [93; 10] указывают 1828 г. в качестве даты вхождения Карачая в состав Российской империи и связывают это событие с военным поражением карачаевцев, нанесенным им на реке Худес царскими войсками во главе с Г.А. Эммануэлем.

Советская концепция о добровольном присоединении Осетии к России в 1774 г. утвердилась в национальной историографии и получила свое развитие в современных исследованиях. В частности, М.М. Блиев [19; 20; 21; 22] в своей обновленной версии о причинах и характере вхождения Осетии в состав России историк акцентирует внимание на 21 статье Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., закрепившего за Россией Кабарду. Трактовка российской стороной данного пункта, как сообщает М.М. Блиев, включала в себя также присоединение Осетии. В Петербурге посчитали, что одностороннего решения

вопроса недостаточно, и было решено провести переговоры с представителями осетин [20, с. 193], которые осенью 1774 г. завершились соглашением о включение Осетии в состав России. Автор отмечает, что политическое присоединение не привело к вхождению в имперскую административную систему России, и Осетия долгое время продолжала сохранять независимость от российского государственного управления [20, с. 193-194]. Таким образом, концепция М.М. Блиева претерпела ряд изменений, которые выразились в стремлении доказать равноправный характер российско-осетинских связей, что свойственно большинству современных региональных исследований по данной проблеме.

К числу историков, активно выступивших против концепции о добровольном присоединении Осетии к России, относится Ф.В. Тотоев [102; 103]. В одной из работ начала 1990-х гг. он подчеркивал, что отечественные исследователи сильно преувеличили действенность Кючук-Кайнарджийского трактата [102, с. 1] и значение русско-осетинских переговоров в Моздоке в октябре 1774 г. По мнению Ф.В. Тотоева, эти переговоры были организованы тщеславным астраханским губернатором П.Н. Кречетниковым без ведома императрицы Екатерины II и являлись политической авантюрой [102, с. 1]. Их результаты были непредсказуемы, но губернатор сделал все возможное, чтобы «осетинские старшины осознали и признали себя подчиненными ему» [102, с. 1].

Идея о присоединении Осетии к России в 1774 г. была дополнена Р.С. Бзаровым, который утверждает, что отсутствие в XVIII в. у Алании-Осетии хозяйственных ресурсов, необходимых для строительства государственных институтов, вынудило осетин искать могущественного союзника [16]. Этот поиск совпал с продвижением на Кавказ Российского государства. Как заявляет автор, «в Петербурге быстро поняли, что не удастся обойтись без лояльности небольшого народа, оседлавшего стратегические перевалы, – без военных баз в центре Кавказа, без аланских дорог и серебряно-свинцовых месторождений» [16]. Осетинское посольство 1749–1752 гг. обсудило с российским правительством «концепцию русско-осетинского союза» и условия будущего взаимовыгодного присоединения [16].

Исследователи Е.И. Кобахидзе, З.М. Блиева, Ф.Х. Гутнов и др. [69; 70; 23; 24; 42] полагают, что в соответствии с условиями международного права Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. санкционировал возможность России распоряжаться Центральным Кавказом. С точки зрения Е.И. Кобахидзе, особое значение для Российского государства имела Осетия, отличавшаяся выгодным для империи геополитическим положением и значительным военно-экономическим запасом в виде рудных и лесных ресурсов [70, с. 109]. Официальное присоединение Центрального Кавказа к России в последней трети XVIII в. (в 1770 г. – Ингушетии, в 1774 г. – Кабарды и Осетии) позволило начать административные мероприятия по формированию в регионе российского управленческого аппарата [70, с. 109].

По словам З.М. Блиевой, заключение мира с Турцией в 1774 г. предоставило российскому правительству возможность удовлетворить

неоднократные просьбы Осетии, Ингушетии и Чечни о присоединении к России. Разновременно (в 1770 г. – Ингушетия, в 1774 г. – Осетия, а в 1781 г. Чечня) эти районы вошли в состав России. Договор о присоединении Чечни к России 1781 года, как сообщает автор, чеченцами был дезавуирован [23, с. 55]. Их борьба против новых управителей, рассматриваемая как «война за веру», отныне приняла ожесточенный характер [23, с. 56]. Произошло столкновение контрастирующих между собой общественных систем – российской феодально-крепостнической и чеченской эгалитарной [23, с. 59].

По выражению Ф.Х. Гутнова, в России Осетия воспринималась как страна с особым геополитическим статусом [42, с. 480]. Вхождение в состав Российской империи в 1774 г. принесло осетинам стабильность, необходимые условия для общественного развития [42, с. 492]. В частности, они получили разрешение на переселение в предгорную зону Центрального Кавказа, признанную «вольной и свободной», на беспошлинную торговлю в Кизляре и Астрахани и др. [42, с. 486]. А.А. Хамицаева оценивает присоединение Осетии к Российскому государству как единственно возможный позитивный вектор развития осетинского общества [106, с. 6].

Вооруженные конфликты в Чечне в 1990-е гг. актуализировали проблемы Кавказской войны в региональной исторической науке и способствовали возникновению новых точек зрения, трактующих процесс вхождения чеченцев в состав России с позиции суверенного статуса республики. Большинство национальных историков, в числе которых Я.З. Ахмадов, Ш.А. Гапуров, Дж.Ж. Гакаев, И.М. Сигаури и др. [6; 7; 8; 9; 35; 36; 37; 38; 34; 100], обосновывают идею о насильственном завоевании Чечни в середине XIX в. Как утверждает, Я.З. Ахмадов, чеченцы в XIX в. представляли собой «сильнейший народ» с развитым сельским хозяйством и ремеслом, зрелой освободительной идеологией, основанной на положениях ислама, что дало возможность открыть борьбу с «царизмом» по всему фронту [7, с. 149].

Исследователь российско-чеченских взаимоотношений в XVI-XIX вв. Ш.А. Гапуров утверждает, что взаимная заинтересованность чеченских обществ и царских властей в мирных политических отношениях привела к установлению между ними военно-политического союза в 1588 г. [36, с. 5]. В последней трети XVIII в., «царизм всё более активно начинает переходить от союзнических отношений с чеченцами к их прямому подчинению» [36, с. 6]. С 1818 г., со строительства крепости Грозной, по версии автора, начинается Кавказская война [36, с. 6]. Присоединение Чечни к России было результатом не только военных действий, но и политико-дипломатических контактов, торгово-экономических связей, которые не прерывались, как отмечает историк, даже в годы Кавказской войны, ставшей «общей трагедией для русского и для чеченского народов» [38, с. 269].

Дж.Ж. Гакаев, анализируя российско-вайнахские отношения в XVI-XVIII вв., подчеркивает, что в результате первого чеченского посольства в Москву 1588 года, отправленного владельцем Ауха («Окочанская земля») Ших-Мурзой, между Россией и Чечней установились дружественные отношения. В XIX в. Российская империя преследовала в регионе колониальные цели и, в отличие от

Московского царства, уже не нуждалась в горцах «как в союзниках» [34, с. 18]. В результате Чечня оказалась «на острие Кавказской войны», развязанной «царской Россией» [34, с. 18].

С точки зрения И.М. Сигаури, чеченским владетелям, выступавшим во взаимоотношениях с Россией в качестве самостоятельных субъектов, приходилось строить свою политику одновременно с учетом двух основных факторов: острой борьбы за лидерство и вмешательством великих держав во внутривосточный процесс [100, с. 238]. Наличие этих двух факторов, как считает ученый, делало политическую ситуацию на Северном Кавказе чрезвычайно взрывоопасной, когда решение любого спора неизбежно приводило к военным столкновениям [100, с. 238].

Исследователь истории и культуры вайнахских народов Г.З. Анчабадзе подчеркивает, что завоевание кавказских земель началось при Петре I в первой четверти XVIII в. В 1770-1780-х гг. периодические столкновения между русскими войсками и отрядами горцев переросли в систематические боевые действия, началась «Кавказская (Русско-горская) война», «стоившая обеим сторонам много крови» [2]. Автор убежден, что России исключительно «благодаря огромному превосходству сил» удалось в 1859 г. «победить горцев» [2].

В 2005 г. в Москве состоялась международная научная конференция «Чеченская республика и чеченцы: история и современность». Участники конференции осудили ложные идеи о 400-летней истории перманентного вооруженного противостояния Чечни и России [108; 76] и заявили, что «важнейшей составляющей истории чеченского народа в новое время являлись добрососедские взаимоотношения с русским и другими народами России, которые носили разнообразный характер» [55]. Один из участников конференции Ш.Б. Ахмадов в своих работах [4; 5] подчеркивал, что ориентация на Россию спасла вайнахов «от порабощения» со стороны соседних государств и племен [5, с. 4].

Ингушский автор А.У. Мальсагов [60; 82; 83] в одном из своих исследований приводит слова архимандрита Григория из челобитной, адресованной императрице Екатерине II, в которой говорится, что «киштинцы (ингуши) в 1757 г. приведены к присяге на верность России» [83, с. 18-19]. Таким образом, историк указывает еще более раннее соглашение о принятии ингушами российского подданства, чем уже известный в науке договор 1770 г. А.У. Мальсагов считает, что Ингушетия была необходима России, поскольку находящиеся на ее территории «Джейрахское ущелье и Ассинская котловина непосредственно примыкали к очень важным древним торгово-транспортным и военным магистралям» [83, с. 19].

Авторы «Истории Ингушетии» [61] Н.Д. Кодзоев и М.Б. Долгиева развивают традиционную точку зрения о вхождении ингушей в состав Российской империи и сообщают, что в 1770 г. в ауле Ангушт посольство из Ингушетии во главе со старшинами Г. Чопановым и С. Мирзахановым торжественно принесло присягу России [61, с. 184]. В результате подавления Назрановского восстания 1858 г. Ингушетия окончательно была включена в

систему административного управления Российской империи [61, с. 212]. Авторы подчеркивают, что ингушский народ никогда не изменял курсу на совместное развитие в семье народов единой России [61, с. 479].

Интерес представляют материалы научных конференций «Россия и Кавказ: история и современность» [98; 99], в которых содержатся исследования по истории российско-кавказских взаимоотношений. В одном из сборников опубликована статья Б.М.-Г. Харсиева [107], посвященная включению Ингушетии в состав России. По мнению автора, в истории русско-кавказских отношений можно наблюдать «приливы и отливы интересов Петербурга к Северному Кавказу», зависевшие от восточных планов империи [107, с. 722]. Но всё же характер присоединения исследователем трактуется однозначно как мирный, что нашло отражение в договоре 1770 года [107, с. 724-725].

Заключение

Таким образом, в современной региональной историографии существуют различные, порой диаметрально противоположные, взгляды на проблему вхождения народов Северного Кавказа в состав России и в целом на содержание российско-кавказских взаимоотношений в XVI–XIX вв.

Большинство исследователей включение той или иной этнической общности в состав России связывает с насильственным завоеванием в период Кавказской войны. Часть авторов отстаивает точку зрения о добровольном вхождении местных народов в состав Российского государства посредством принесения присяги. Эмоционально-болезненное восприятие различных фактов и событий региональной политической истории, привело к возникновению кризисных явлений в отечественном кавказоведении, главное из которых заключается в мифологизации исторического знания. На этом фоне возросла практическая значимость исторических источников, позволявших дать научное обоснование любым возникающим версиям о причинах, характере и итогах включения северокавказских народов в состав России.

Стремление к преодолению негативных тенденций в исторической науке демонстрирует увеличение исследований, в которых анализируются особенности развития современного кавказоведения и разрабатываются новые методологические подходы к изучению тех или иных исторических проблем. Расширение и развитие методологического инструментария в изучении формирования Российского многонационального государства, в частности использование социокультурного (цивилизационного) подхода, осуществление политико-правового анализа источников и др., привело к возникновению новых интерпретаций российско-кавказского исторического взаимодействия. В частности, многие исследователи, стремясь продемонстрировать равную степень вклада народов Северного Кавказа и русского народа в развитие Российского государства, ставят в своих работах акцент на равноправии сторон в решении тех или иных вопросов на протяжении всего периода их исторического взаимодействия и подчеркивают взаимовыгодный характер этих

связей. Всё это привело к возникновению в историографии идей союзов, альянсов народов Северного Кавказа с Россией в прошлом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Алоев Т.К.* К вопросу о содержании и характере внешнеполитических связей Кабардинского княжества и Московского государства во второй половине XVI века // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2007. – Вып. V. – С. 3-28.
2. *Анчабадзе Г.З.* Вайнахи. – Тбилиси, 2001 // Библиотека Андрея Бирюкова: сайт. URL: <http://oldcancer.narod.ru/caucasus/vainachi/vainahi.htm> (дата обращения: 16.04.2017).
3. *Арутюнов С.* Плюсы и минусы 450-летия союза // Кабардино-Балкарская Правда. – 2007. – 27 фев.
4. *Ахмадов Ш.Б.* Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа и Россией в прошлом // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции, 19–20 апреля 2005 г., г. Москва / Ред. коллегия: Х.И. Ибрагимов, В.А. Тишков (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 2006. – С. 55-67.
5. *Ахмадов Ш.Б.* Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). – Элиста: Джангар, 2002. – 528 с.
6. *Ахмадов Я.З.* Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. – Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1991.
7. *Ахмадов Я.З.* Взаимоотношения Чечни и России (вторая половина XVI – середина XIX вв.) // Чеченцы: история и современность / Под ред. Ю.А. Айдаева. – М.: Мир дому твоему, 1996. – С. 145-149.
8. *Ахмадов Я.З.* История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М.: Мир дому твоему, 2001. – 426 с.
9. *Ахмадов Я.З.* Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. – М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. – 423 с.
10. *Барзбиев М.И.* Карачай и Балкария в Кавказской войне // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2005. – Т. II. – С. 126-140.
11. *Батчаев В.М.* Балкария в XV – начале XIX вв. – М.: ТАС–Издат, 2006. – 190 с.
12. *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2005. – Выпуск II. – С. 39-86;
13. *Бгажноков Б.Х.* Россия и Кабарда: истоки военно-политического союза // Кабардино-Балкарская Правда. – 2006. – 3 ноября.
14. *Бгажноков Б.Х., Дзамихов К.Ф.* Темрюк Идаров и военно-политический союз Кабарды и России // История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – С. 54-63.
15. *Бейтуганов С.Н.* Кабардино-русские отношения (XVI–XIX вв.). Основные этапы // Сайт Зольского района Кабардино-Балкарской Республики. URL: <http://www.zolka.ru/articles/19-6/306---q---xvi-xix-q> (дата обращения: 12.06.2017).
16. *Бзаров Р.С.* Осетинское посольство 1749 г. и современность // Научное Общество Кавказоведов: сайт. URL: <http://www.kavkazoved.info/pview/2011/07/11/osetinskoe-posolstvo-1749-i-sovremennost.html> (дата обращения: 15.05.2017).
17. *Бижев А.Х.* Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX века. – Майкоп: Меоты, 1994. – 327 с.
18. *Битова Е.Г.* Политика России на Центральном Кавказе и Балкарские общества (первая четверть XIX в.) // Вестник КБГУ. Серия: Гуманитарные науки. – Нальчик, 2004. – Вып. 9. – С. 12-17.

19. *Блиев М.М.* О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // История СССР. – 1991. – № 6. – С. 67-84.
20. *Блиев М.М.* Осетинское посольство в Петербурге 1749–1752 гг. Присоединение Осетии к России. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им В. Гассиева, 2010. – 236 с.
21. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 877 с.
22. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. – М.: Росет, 1994. – 591 с.
23. *Блиева З.М.* Русско-чеченские отношения в XVII–XVIII веках // Вопросы истории. – 2003. – № 12. – С. 47-61.
24. *Блиева З.М.* Управление Осетией в 30–50-е годы XIX в. // История народов России в исследованиях и документах. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. – М., 2011. – Вып. 5. – С. 83-102.
25. *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен / Отв. ред. П.М. Иванов. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2012. – 60 с.
26. *Боров А.Х.* Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник КБГУ. Серия Гуманитарные науки. – Нальчик, 1996. – Вып. 2. – С. 83-92.
27. *Боров А.Х.* Осмысление культурно-исторической специфики Северного Кавказа в отечественном кавказоведении: научная традиция и современные поиски // Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН. – 2012. – Вып. X. – С. 3-38.
28. *Боров А.Х.* Проблема культурно-исторического синтеза в кавказоведении // Кавказология. – 2017. – №3. – С. 12-40. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2017/10/Borov_Kavkazologiya_2017_3.pdf (дата обращения: 16.10.2017).
29. *Боров А.Х.* Проблема синтеза в историческом кавказоведении // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2008. – Вып. VI. – С. 3-27.
30. *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). – Нальчик: КБГУ, 2007. – 298 с.
31. *Боров А.Х., Карамурзов Б.С.* Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Кавказология. – 2017. – №1. – С. 12-40. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/Borov_Karamurzov_Kavkazologiya_2017_1.pdf (дата обращения: 20.06.2017).
32. *Боров А.Х., Кочесоков Р.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Проблемы интеграции и синтеза // Международная Черкесская Ассоциация: сайт. URL: <http://intercircass.org/?p=794> (дата обращения: 16.04.2017).
33. *Бурда Э.* Размышления о Кавказской войне: как это было на самом деле // URL: http://www.antiterror.kz/kavkaz/news_2011-05-31-02-06-52-422.html (дата обращения: 12.04.2017).
34. *Гакаев Дж.* Очерки политической истории Чечни (XX век) – М.: Чеченский культурный центр, 1997. – Ч. 1. – 473 с.
35. *Гапуров Ш.А.* Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 446 с.
36. *Гапуров Ш.А.* Россия и Чечня: этапы многовекового содружества // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19–20 июня 2012 г. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2013. – С. 3-11.
37. *Гапуров Ш.А.* Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801–1815 годы). – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 483 с.
38. *Гапуров Ш.А., Израйилов А.М., Товсултанов Р.А.* Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (страницы хроники русско-горской трагедии XIX века). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 310 с.

39. *Гатагова Л.С.* Северный Кавказ: метаморфозы исторического сознания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г.А. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 255-272.
40. *Гугов Р.Х.* Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 685 с.
41. *Гузенкова Т.С.* Этнонациональные проблемы в учебниках по истории (на примере Украины, Беларуси и некоторых республик Российской Федерации) // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г.А. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 114-141.
42. *Гутнов Ф.Х.* Присоединение Осетии к России // История Осетии: в 2-х томах / Гл. ред. З.В. Канукова. – Владикавказ: СОИГСИ, 2012. – С. 478-494.
43. *Дегоев В.В.* О методологических альтернативах в изучении Кавказской войны XIX в. // Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. – М.: SPSL – Русская панорама, 2001. – С. 285-309.
44. *Дегоев В.В.* Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества / Под ред. О.М. Рапова. – М., 2000. – Т. 2 (150). – С. 225-251.
45. *Дегоев В.В.* Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16–17 мая 2006 г. / Под ред. В.В. Дегоева. – М.: Русская панорама, 2007. – С. 17-35.
46. *Дзамихов К.Ф.* «Свое» и «чужое» прошлое, или Актуальные вопросы историографии Кавказской войны // *Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону.* – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. – С. 29-47.
47. *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.) – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 408 с.
48. *Дзамихов К.Ф.* Адыги: борьба и изгнание. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 110 с.
49. *Дзамихов К.Ф.* Адыги: веки истории. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 816 с.
50. *Дзамихов К.Ф.* Антиколониальная борьба Кабарды во второй половине XVIII — первой половине XIX века // URL: <http://mognovse.ru/fut-dzamihov-k-f-antikolonialenaya-boreba-kabardi-vo-vtoroj-po.html> (дата обращения: 12.04.2017).
51. *Дзамихов К.Ф.* Историография и политико-правовой анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI – первой половине XVIII вв. Ч. 1 // Известия КБНЦ РАН. – Нальчик, 2007. – № 3. Ч. 2. – С. 108-117.
52. *Дзамихов К.Ф.* Историография и политико-правовой анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI – первой половине XVIII вв. Ч. 2 // Известия КБНЦ РАН. – Нальчик, 2007. – № 4, Ч. 1. – С. 147-156.
53. *Дзамихов К.Ф.* К вопросу политико-правового оформления русско-кабардинских отношений (вторая половина XVI – начало XVIII века) // Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. – С. 6-14.
54. *Дзамихов К.Ф., Мальбахов Б.К.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (сер. XVI – конец XVIII в.). – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 352 с.
55. *Дзидзоев В.Д.* Объективность и субъективность в современной историографии Кавказа // Абхазская интернет-библиотека: сайт. URL: <http://apsnyteka.org/1544-dzidzoev-v-objektivnost-i-subiektivnost-v-sovremennoi-istoriografii-kavkaza.html#6> (дата обращения: 16.04.2017).
56. *Добаев И.П., Черноус В.В.* Олимпиада – 2014 и информационные атаки глазами ученых Юга России // Научное Общество Кавказоведов: сайт. URL:

<http://www.kavkazoved.info/news/2012/12/27/olimpiada-2014-i-informacionnye-ataki-glazami-uchenyh-uga-rossii.html> (дата обращения: 11.06.2017).

57. *Думанов Х.М.* Из истории кабардино-русских отношений // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии / Сост.: С.И. Аккиева, Х.М. Думанов; Отв. ред. М.Н. Губогло. – М.; Нальчик: ЦИМО ИЭА РАН, 2001. – Т. 1. – С. 59-63.

58. *Епифанцев А.А.* Кавказская война. Геноцид, которого не было. Ч. 5. Кто виноват и что делать // Агентство Политических Новостей: сайт. URL: <http://www.apn.ru/publications/article22059.htm> (дата обращения: 14.05.2017).

59. *Захаров В.А., Реброва М.А.* Северный Кавказ: конфликтогенный потенциал региона с историко-социологической точки зрения // Кавказский сборник. – М.: Русская панорама, 2004. – Т. 4. – С. 330-360.

60. Ингушетия и ингуши / Ред. А. Мальсагов, Сост. М.Д. Яндиева. – Назрань-Москва, 1999. – 686 с.

61. История Ингушетии / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. – Нальчик: Тетраграф, 2011. – 484 с.

62. История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.

63. Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов Международной научной конференции. – Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 1998. – 123 с.

64. Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. / Ред. коллегия: А.Ю. Чирг, А.С. Хунагов, А.Д. Панеш, Т.П. Хлынина, С.К. Пчегатлук. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 1995. – 287 с.

65. *Кажаров В.Х.* Политическая история Кабарды в XVI–XVIII веках в постсоветской историографии // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – Вып. 5. – С. 21-28.

66. *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

67. *Калмыков Ж.А.* К вопросу о характере кабардино-русских отношений в XVI – первой половине XVIII века // Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. – С. 15-24.

68. *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. – Нальчик: Логос, 1992. – 199 с.

69. *Кобахидзе Е.И.* «Не единою силою оружия...». Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. – Владикавказ: СОИГСИ, 2010. – 452 с.

70. *Кобахидзе Е.И.* Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): Историко-этнологический анализ. – Владикавказ: СОГУ, 2003. – 236 с.

71. *Кожев З.А.* Кавказская война (1763–1864 гг.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М.; Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – С. 204-221.

72. *Крикунов В.П.* Историки должны быть выше национальных обид // Вопросы истории. – 1989. – № 5. – С. 41-42.

73. *Кузьминов П.А.* Историк науки в историографическом пространстве кавказоведения // Вопросы теории и методологии истории. – Майкоп, 2011. – Вып. 8. – С. 43-55.

74. *Кузьминов П.А., Кумыков А.М., Дзамихов К.Ф.* Региональная историография в системе вузовской науки // Высшее образование в России. – 2013. – № 6. – С. 76-81.

75. *Кучинаев М.Ю.* История Балкарии с древнейших времен и до конца XX в.: в 2-х кн. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – Кн. 1. – 414 с.; Кн. 2 – 664 с.

76. *Магомедова Т.С.* Русско-чеченский военно-политический союз в конце XVI – в первой половине XVII в. // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции, 19–20 апреля 2005 г., г. Москва / Ред. коллегия: Х.И. Ибрагимов, В.А. Тишков (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 2006. – С. 246-253.

77. *Максимчик А.Н.* Историко-партийные концепции присоединения Северного Кавказа к России в советской исторической науке 1920-х – начала 1940-х гг. // Кавказология. – 2017. – №3. – С. 76-96. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2017/10/Maksimchik_Kavkazologiya_2017_3.pdf (дата обращения: 16.10.2017).

78. *Максимчик А.Н.* Полемика вокруг характера присоединения Северного Кавказа к России в современной историографии. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. – Минск: БГУ, 2010. – Вып. 5. – С. 253-261.

79. *Максимчик А.Н.* Присоединение Северного Кавказа к России в историографии XIX – начала XXI в.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.09. – Минск, 2013. – 176 с.

80. *Мальбахов Б.К.* Кабарда в период от Петра I до Ермолова. – Нальчик: Книга, 1998. – 349 с.

81. *Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М.* Средневековая Кабарда: (Внутренние и внешние аспекты истории). – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 349 с.

82. *Мальсагов А.У.* Ингуши в войнах России XIX–XX вв. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 254 с.

83. *Мальсагов А.У.* Ингуши. История и века родословий. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 420 с.

84. *Мамбетов Г.Х.* 1557 год – присоединение или военно-политический союз? // Сборник статей молодых ученых и аспирантов. – Майкоп: Меоты, 1993. – С. 5-25.

85. *Маремкулов А.Н.* Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX века: политико-правовой аспект. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 150 с.

86. *Моков Б.М.* Кабарда второй половины XVI–XVII вв. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 142 с.

87. *Муратова Е.Г.* Балкария на пути к единству с Россией // История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – С. 169-184.

88. *Муратова Е.Г.* Историографические итоги изучения истории Балкарии XVII–XIX веков // Кавказский сборник / Под ред. В.В. Дегоева. – М.: Русская панорама, 2010. – Т.6 (38). – С. 147-156.

89. *Муратова Е.Г.* Основные проблемы истории Балкарии (XVII–XIX вв.) в современной историографии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. – 2006. – № 4. – С. 46-52.

90. *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 420 с.

91. Навеки с Россией: Празднование 450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства. По материалам информационных агентств и периодической печати РФ. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 87 с.

92. *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 331 с.

93. *Напсо Д.А., Чекменев С.А.* Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом/ Под ред. Е.А. Абуловой. – Черкесск: Стелла, 1993. – 319 с.

94. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-х – 50-х годах XIX в. Материалы Всесоюзной научной конференции. 20–22 июня 1989 г. / Ред. коллегия: В.Г. Гаджиев (отв. ред. и авт. предисл.) и др. – Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 1994. – 358 с.

95. Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24–26 октября 1990 г. / Редкол: Р.Х. Гугов и др. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 264 с.

96. *Патракова В.Ф., Черноус В.В.* Историография, историческая память адыгов о Кавказской войне XIX в. и современные политические провокаторы // Научное Общество Кавказоведов: сайт. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2011/12/23/adygy-istoriografia-i-sovremennye-politicheskie-provokatory.html> (дата обращения: 15.04.2017).

97. Постановление Верховного Совета КБССР от 07.02.1992 № 977-ХП-В «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны» // RUSOUTH.info: Портал Южного Федерального округа России. URL: <http://rusouth.info/territory6/pack60/paper-ffkdx7.htm> (дата обращения: 12.05.2017).

98. Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции, 11–12 ноября 2004 года / Сост. В.Д. Дзидзоев; Сев.-Осет. ин-т гуманитарных и соц. иссл. им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А. – Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2005. – 324 с.

99. Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19–20 июня 2012 г. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2013. – 820 с.

100. *Сигаури И.М.* Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. – М.: Русская жизнь, 1997. – 366 с.

101. *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. – 224 с.

102. *Тотоев Ф.В.* К истории русско-осетинских отношений // Отчизна. – Владикавказ, 1993. – Сентябрь. – № 11.

103. *Тотоев Ф.В.* Некоторые вопросы историографии Северной Осетии // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет / Под ред. Л.Б. Дзугаева и др. – Владикавказ, 1995. – С. 10-36.

104. *Тютюнина Е.С.* Шаги на встречу // Балкария. Страницы прошлого. – Нальчик, 2006. – Вып. 3. – С. 4-5.

105. *Хазазгеров Г.Г.* Политическая риторика: Часть 2. Мир убеждающей речи и судьба русской политической риторики // Библиотека на сайте кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Филологического факультета МГУ. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_116.html (дата обращения: 10.10.2017).

106. Осетия в кавказской политике Российской империи, XIX в.: сб. док. и материалов / Под ред. А.А. Хамицаевой. – Владикавказ: СОИГСИ, 2008. – 333 с.

107. *Харсиев Б.М.-Г.* Добровольное единение Ингушетии с Российской империей по договору 1770 г. // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19–20 июня 2012 г. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2013. – С. 721-731.

108. *Хасбулатов А.И.* Исследования по истории Чечни до 1917 года // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции, 19–20 апреля 2005 г., г. Москва. – М.: Наука, 2006. – С. 68-87.

109. Черкесия в XIX веке: (Материалы I Кошехабльского форума «История - достояние народа». 24–25 апреля 1990 г.) / Ред. коллегия: Д.Х. Мекулов (науч. ред.) и др. – Майкоп: Адыгея, 1991. – 264 с.

110. *Шеуджен Э.А.* Адыги (черкесы): проблемы исторической памяти // Кавказология. – 2017. – №1. – С. 56-68. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/SHeudzhen_Kavkazologiya_2017_1.pdf (дата обращения: 16.04.2017).

111. *Шеуджен Э.А.* Проблемы северокавказской историографии // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27–28 августа 1999 г.) /

Под ред. В.Г. Игнатова. – Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказской академии государственной службы. – 2000. – С. 81-86.

112. *Шеуджен Э.А.* Путь в историю: в поисках методологии исследования. – Майкоп: ООО «Качество», 2007. – 268 с.